

Matyuhin, A. V. (2009) *Obshchestvennaya mysl' Rossii XIX — nachala XX veka. Social'no-gumanitarnye znaniya*, no. 2, pp. 230–245. (In Russ.).

Samarin, Yu. F. (1912). *The Complete Works in 12 vols.* / ed. by D. F. Samarin. Moscow, D. F. Samarin. Vol. 1. 404 p. (In Russ.).

Solov'yov, V. S. (1912). *The Complete Works in 10 vols.* / ed. by S. M. Solov'yov and E. L. Radlov. Saint-Petersburg, Prosveshchenie. Vol. 3. 430 p. (In Russ.).

Florenskij, P. A. (1916). *Okolo Homyakova*. Sergiev Posad, Tipografija Sv-Tr. Sergievoj lavry. 79 p. (In Russ.).

Homyakov, A. S. (1900a). *The Complete Works in 8 vols.* Moscow, University printing house. Vol. 1. 417 p. (In Russ.).

Homyakov, A. S. (1900b). *The Complete Works in 8 vols.* Moscow, University printing house. Vol. 2. 482 p. (In Russ.).

Homyakov, A. S. (1994a). *Works in 2 vols.* / ed. by E. V. Haritonov. Moscow, Medium. Vol. 1. 591 p. (In Russ.).

Homyakov, A. S. (1994b). *Works in 2 vols.* / ed. by E. V. Haritonov. Moscow, Medium. Vol. 2. 479 p. (In Russ.).

Submission date: 22.11.2021.

Ишутин Александр Александрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия». Адрес: 105318, Россия, г. Москва, ул. Измайловский вал, д. 2, Тел.: 8-905-573-63-24. Эл. адрес: a_ishutin@inbox.ru

Ishutin Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Fundamental Legal and Social-Humanitarian Sciences, Moscow University for Industry and Finance “Synergy”. Postal address: 2, Izmaylovsky Val St., Moscow, Russian Federation, 105318. Tel.: 8-905-573-63-24. E-mail: a_ishutin@inbox.ru

DOI: 10.17805/zpu.2022.1.9

Воспитательные импликации философского обоснования морали*

А. В. ПРОКОФЬЕВ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН, ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л. Н. ТОЛСТОГО

В статье проанализировано различие между двумя подходами к философским аргументам, обосновывающим необходимость формирования моральных убеждений и совершения поступков, требуемых моральными обязанностями. Для первого подхода обоснование морали представляет собой сугубо теоретическую задачу моральной фи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00145 А «Обоснование морали как проблема современной этики (реконструкция, сравнение и оценка теоретических подходов)».

The reported study was funded by RFBR, project number 20–011–00145 A (Justification of Morality as a Problem of Contemporary Ethics (the Reconstruction, Comparison and Evaluation of Theoretical Approaches)).

лософии. Ее решение требует создать идеальную модель адресата, к которому обращается философ, обосновывающий мораль, — морального скептика, или аморалиста. Моральный скептик (аморалист) наделяется чувствительностью к рациональной аргументации и минимальным набором свойств, которые позволяют считать его человеком. Линии аргументации, обращенные к нему, рассматриваются как конкурирующие между собой. Второй подход к обоснованию морали предполагает поиск дополняющих друг друга аргументов, которые в своей совокупности могли бы способствовать формированию или сохранению моральных убеждений у типичного, среднестатистического человека. Этот подход именуется в статье воспитательным. Для сторонников воспитательного подхода приобретают существенное значение те линии аргументации, которые в теоретической перспективе выглядят проигрышными и неконкурентоспособными. К примеру, существенную воспитательную роль может сыграть аргументация, опирающаяся на неразрывную связь между уважением к каждой человеческой личности и способностью поддерживать близкие партикулярные отношения (в особенности дружеские). В том же положении находятся аргументы, которые отталкиваются от стремления людей к счастью или от зависимости успешного удовлетворения предпочтений от основанной на доверии кооперации. Автор статьи полагает, что в неспециализированном преподавании этических курсов в университете проблема обоснования морали должна быть представлена преимущественно в ее воспитательном измерении.

Ключевые слова: мораль; этика; обоснование морали; моральный скептик (аморалист); моральное воспитание

ВВЕДЕНИЕ: ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МОРАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Моральная философия, будучи частью практической философии, неизбежно ставит перед собой задачи, которые хотя и не тождественны задачам, стоящим перед отдельным моральным агентом или перед способными организовать процесс коллективной моральной рефлексии сообществами, но очевидным образом коррелируют с ними. Моральная философия не должна являться «служанкой» морального опыта, поскольку в этом случае она потеряет статус теории, и при этом критической теории, но существует она именно для того, чтобы быть рефлексивным зеркалом этого опыта, обращающим моральных агентов к конечному смыслу существования моральных ценностей, требований, рассуждений и переживаний. Другими словами, моральная философия претендует на то, чтобы быть одним из факторов сохранения морального опыта в целом и преобразования его конкретных форм. Каковы ее возможности в этом отношении? Скорее всего, они не являются очень большими. Хотя у истоков «моральных революций» часто стоят фигуры, воздействие которых на культуру связано с публичной презентацией тех или иных идей, рациональные аргументы в таких случаях определяют лишь часть влияния «морального революционера» на современников и потомков. Будучи реалистами, моральные философы могли бы признать ограниченность воздействия своей работы на реальный моральный опыт и попытаться точнее выявить характер и направления такого воздействия. Эта установка определяет цель и задачи данной статьи.

В заключении «Трактата о человеческой природе» и в своей переписке с Фрэнсисом Хатчесоном Дэвид Юм обозначил две потенциальные позиции морального философа в отношении своего предмета — добродетели: позицию «анатома-метафизика» и позицию «живописца-моралиста». Первый дает бесстрастное описание механизмов и природных истоков добродетельного поведения и соответствующих ему переживаний, второй — пытается сделать добродетель привлекательной

и увлечь читателя на путь добродетели (Юм, 1996: 652–655; Hume, 1932: 32–33). Хотя Юм этого специально не обсуждает, можно предположить, что «живописец-моралист», оставаясь именно философом, отличается от морального проповедника. Он не просто задевает глубокие эмоциональные струны своих vis-a-vis призывами или упреками, а выдвигает рациональные аргументы, которые, по его мнению, могли бы воздействовать на других людей, трансформировать их мотивы и менять привычные линии поведения. Можно сказать, что юмовский «живописец-моралист» решает задачу обоснования морали или обоснования моральных ценностей и требований, которой посвящено данное исследование и короткое уточнение параметров которой приведено во втором разделе статьи.

Однако вслед за разграничением задач моральной философии, введенным Юмом, было бы разумно ввести еще одно разграничение. Оно фиксирует следующий шаг в сторону от познавательной установки «анатома-метафизика», но и этот шаг не выводит философский дискурс за его собственные пределы, в область проповеди или пропаганды. Выстраивая систему аргументов в защиту морального долга или морального самосовершенствования, «живописец-моралист» может исходить из необходимости создать независимую стройную концепцию, которая наилучшим образом решала бы поставленную задачу, а может иметь в виду совокупный эффект всех возможных стратегий защиты.

В первом случае он выступает как конкурент-полюс в отношении других философов, авторов иных концепций обоснования. А те, кто *post factum* оценивает весь ряд таких концепций, нуждаются в системе критериев, по которым они могли бы сравнивать их между собой, или своего рода фильтров, которые отсеивают слабые линии аргументации и оставляют в поле внимания сильные. Можно даже представить себе, что какая-то из концепций выиграет такое состязание, докажет свой приоритет по большинству параметров.

Во втором случае более важным обстоятельством является та роль, которую предложенная «живописцами-моралистами» аргументация способна сыграть в процессе морального воспитания, вернее, в той его части, которая связана с обращением к разуму воспитуемого, к его способности рассуждать и изменять свои убеждения на основе согласия с каким-то конкретным рассуждением. Значение этой части не стоит преувеличивать, нет нужды становиться в позицию некоторых античных философских школ, утверждавших, что разум обладает абсолютным преобразующим личность потенциалом. Но и считать влияние разума несущественным тоже не стоит, в особенности в условиях столкновения эмоциональных драйверов поведения и противоречий между стихийно сложившимися личными убеждениями. Здесь рациональная аргументация может играть роль дополнительной гири на чаше весов, склоняющей их в одну или в другую сторону. В противостоянии моральной психологии Лоуренса Колберга и Джонатана Хайдта истина находится, скорее всего, где-то посередине (Kohlberg, 1981; Haidt, 2001).

В рамках установки, ориентированной на задачи воспитания, образ конкурирующих концепций, отстаивающих оптимальный характер своих отправных точек, или первых посылок, и демонстрирующих отсутствие провалов в своих рассуждениях, ведущих к необходимости выполнять моральный долг, сменяется образом параллельно таргетирования морального агента разными аргументами, отправные точки которых могут быть не оптимальными, но позволяющими произвести хотя

бы какой-то позитивный эффект. В данной статье я хотел бы соотнести между собой две эти установки, хотя весь мой предыдущий опыт исследования проблемы обоснования морали до сих пор был связан лишь с первой из них.

*ОБОСНОВАНИЕ МОРАЛИ
КАК ЧАСТЬ ЭТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ*

Если рассматривать обоснование морали как сугубо теоретическую задачу, то оно представляет собой попытку философа, который, словами корреспондента Юма — Хатчесона, проявляет «рвение» в вопросах защиты добродетели, выстроить аргументацию, которая могла бы переубедить того, кто не видит достаточных оснований, чтобы быть добродетельным человеком и вести себя, как того требует добродетель. С определенного момента в истории этики слово «добродетель» по понятным причинам замещается в этом контексте словом «мораль», поскольку именно так начинает обозначаться совокупность аксиологических ориентиров и требований, реализация которых выступает в качестве неперемennого условия совершенной человеческой жизни. Эти ориентиры и требования сконцентрированы на поведении, которое затрагивает интересы и потребности других людей, а по своему содержанию они выражают высокую неинструментальную ценность любого представителя человеческого рода. Поступки и мотивы соответствуют моральным ориентирам и требованиям тогда, когда само присутствие другого человека с его потребностями и интересами ограничивает набор доступных агенту действий на основе уважения к человеческому достоинству того, чья жизнь и благополучие зависят от совершаемого агентом выбора. Соответственно, в моральной перспективе от каждого ожидаются принципиальное невреждение и столь же принципиальное оказание помощи другим. Тот факт, что других людей много и их интересы пересекаются между собой, а равно тот факт, что от морального агента не требуется абсолютной жертвенности ради другого, усложняет и дифференцирует это нормативное содержание. Дополнительную сложность вносит и то, что морально значимые другие — это не только люди, но и живые существа и не только отдельные люди, но и сообщества. Однако для проблематики обоснования морали ключевым моментом является то, что любого морального агента связывает долг последовательного ограничения своих эгоистических интересов ради другого. Моральный агент обязан вести себя честно и альтруистично, несмотря на возможное внутреннее сопротивление и прагматические потери, связанные с выполнением этой обязанности.

Для того чтобы поставить задачу в предельно общем виде, в моральной философии используется особый образ адресата обоснования морали — человека, который пренебрегает моральным долгом, но обладает при этом чувствительностью к рациональным аргументам. Этот адресат — в разных текстах он именуется аморалистом или моральным скептиком — наделяется рядом свойств, которые выступают в качестве опоры аргументов обоснования. Это могут быть потребности, которые нельзя удовлетворить в случае пренебрежения моральным долгом, или просто характеристики, которые будут утеряны систематическим нарушителем моральных требований, но которые, по мнению философа, имеют ценность для любого человека. Эта структура рассуждения, даже если ее не раскрывать подробнее, позволяет сформулировать критерии оценки разных обоснований морали. Свойства, которые используются для обоснования морали, должны обладать вы-

сокой значимостью (иначе моральный скептик может просто проигнорировать аргументацию). Эту значимость должен признавать как можно более широкий круг людей (иначе моральный скептик может оказаться неуязвимым для аргументов). Аргументация не должна превращаться в простые призывы быть добродетельным или в осуждение пороков (поскольку это будет уже не обоснование морали, а проповедь). Аргументация должна учитывать разницу между выполнением обязанности и прагматическим расчетом (иначе формальное соответствие действий бывшего морального скептика моральному долгу или идеалу не будет иметь к последним никакого отношения). Наконец, аргументация не должна сужать или искажать содержание моральной обязанности (иначе моральный скептик так и останется моральным скептиком или превратится в частичного морального скептика, что тоже оставит задачу обоснования нерешенной).

Это очень строгая и требовательная оценочная рамка, которая, на мой взгляд, оставляет в игре очень небольшое количество конкурирующих между собой концепций. На ее фоне заслуживают обсуждения всего четыре этические теории. Можно утверждать, что к исполнению моральной обязанности нас подводит стремление удовлетворить любые свои желания (предпочтения), если мы понимаем, что зависим при этом от других людей и получаем от них достаточное содействие лишь в качестве достойных доверия партнеров (стратегический эгоизм) (Gauthier, 1986). Можно считать, что исполнение моральной обязанности связано с тем, что нельзя сформировать проект успешной в общем зачете, или счастливой, жизни, если в него не входит честное и альтруистичное обращение с другими людьми (эвдемонизм) (Badhwar, 2014; Bloomfield 2014). Можно считать, что неинструментальная ценность другого человека постигается на основе особого рода рациональной познавательной способности (интуитивизм в сочетании с моральным реализмом) (Ross, 2002). Можно полагать, что для того, кто принимает решения на основе рассуждения о том, что для него важно и ценно, и нуждается для этого в свободе и ресурсах, было бы нелогично отказывать другим людям в таком же праве на свободу и ресурсы (автономизм кантианского типа) (Gewirth, 1978; Korsgaard, 1996).

Некоторые из этих теорий проигрывают другим в силу потенциального воздействия на скептика, поскольку их отправная точка не связана с самыми мощными психологическими драйверами (таковы интуитивистский моральный реализм и автономизм). Другие проигрывают в способности отделить долг от прагматического расчета, поскольку они апеллируют к благу самого морального агента (таковы стратегический эгоизм и отчасти — эвдемонизм). Одна концепция оказывается слишком близка к призыву или проповеди (таков интуитивистский моральный реализм). Две из них по разным причинам находятся на грани искажения нормативного содержания морали (вновь стратегический эгоизм и отчасти — эвдемонизм). Я полагаю, что по совокупному весу плюсов и минусов кантианское обоснование морали, апеллирующее к автономии, понятой как способность выбирать и действовать по свободно выбранным целям, является наиболее удачным. Однако это вывод, полученный в строго теоретической оценочной рамке. Он важен для философа, который ориентирован на тонкости аргументации, можно даже сказать — участвует в теоретической игре, у которой есть свои, вполне понятно откуда взявшиеся правила. Но если перед нами в широком смысле этого слова воспитатель, то ситуация меняется.

*ОБОСНОВАНИЕ МОРАЛИ
КАК ЧАСТЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ*

Для воспитательного процесса важны аргументы, которые могли бы воздействовать на человека, являющегося типичным представителем человеческого рода, типичным представителем современной культуры, обладающим стандартным набором психологических характеристик, потребностей и интересов. Каждая из точек опоры обоснования морали важна в этом процессе в меру своей способности стать отправной посылкой для обращения именно к нему, в меру своей способности сформировать убедительный именно для него довод, подтверждающий высокую неинструментальную ценность другого человека (живого существа). Сомнения морального скептика, или аморалиста, философских текстов, полностью игнорирующего моральные ценности и требования до предъявления неопровержимых доказательств их значимости и силы, являются по отношению к сомнениям такого типичного человека своего рода идеальной моделью, полученной за счет их воображаемого доведения до предельной интенсивности. Обсуждение идеальной модели дает возможность отточить аргументацию, сформулировать ее в предельно проясненном виде, однако лишь сознательный перенос этой аргументации в воспитательный контекст позволяет понять, что разные аргументы обоснования морали раскрывают разные стороны ее индивидуальной значимости, и обсуждение каждой из этих сторон может внести свою лепту в формирование моральной личности или в сохранение ее устойчивости.

Наличие двух оптик восприятия обоснования морали интересным образом преломляется в трудах современного морального философа Кристин Корсгаард, которая внесла существенный вклад в исследование этой проблематики. В своей работе «Истоки нормативности» она предложила классификацию линий рассуждения, обращенных к моральному скептику. Классификация Корсгаард включает в себя четыре ниши. Волонтаризм, апеллирующий к воле морального законодателя, чей авторитет поддерживается наложением санкций (здесь моральная теология монотеистических религий встречается с политической теологией Гоббса, замещающего божественного Создателя на всемогущего суверена). Моральный реализм, апеллирующий к результатам постижения особой моральной реальности (особого мира ценностей и норм). Автономизм, предполагающий, что моральные ценности и нормы не представляют собой особой реальности, но с необходимостью постулируются способным к выбору поступков агентом в качестве условия возможности такого выбора. Эти три ниши — неполный аналог приведенного выше перечня достойных внимания теоретических позиций по проблеме обоснования морали.

Однако наряду с ними Корсгаард обсуждает и четвертый подход, называя его «основанным на размышлении одобрением» (*reflective endorsement*) (Korsgaard, 1996: 19–20). Его смысл — демонстрация человеку, обладающему более или менее развитыми моральными убеждениями, причин, по которым тот должен чувствовать радость, не разочарование от того, что он именно такой. По строгим критериям классификации этой ниши здесь быть не должно, что я постоянно подчеркивал в предыдущих своих работах. Здесь прямо не указан специфический тип аргументов, обращенных к моральному скептику, а сам моральный скептик заменен на иного адресата. Однако обсуждение Корсгаард «основанного на размышлении одобрения» указывает на существование дополнительного контекста, в кото-

ром могут работать обосновывающие мораль аргументы (именно его я называю воспитательным).

В этом контексте некоторые очевидные теоретические минусы аргументации перестают быть минусами. Это актуализирует те концепции, которые в теоретической рамке оказались за пределами приведенного выше списка конкурентных теорий, и это придает больший вес некоторым из тех концепций, которые попали на нижние позиции этого списка. Хороший пример первого рода — аргументация в пользу исполнения универсальных моральных требований, опирающаяся на партикулярные привязанности и близкие отношения с другими людьми. Конечно, идеальный моральный скептик для нее неуязвим, поскольку он является психологическим эгоистом, хотя и обладающим рациональной способностью и даже связанным результатами ее применения. Однако типичный человек, выступающий в качестве объекта воспитательной практики, всегда имеет такие привязанности и участвует в таких отношениях. Для него убедиться в том, что он не способен к подлинной дружбе (любви) или что у него нет настоящих друзей (любимых), было бы огромной потерей. А это означает, что на него может воздействовать тот тип аргументации, ярким выражением которого служит рассуждение Джозефа Раза из работы «Аморалист».

Раз указывает на то, что невозможно быть аморалистом, сохраняя в неприкосновенности нормальное содержание и нормальную структуру тех устремлений, которые не являются моральными (выражают собственный интерес агента). Он уверен, что перед нами не стоит такой выбор, который подчас обсуждают философы, обосновывающие мораль: вся совокупность человеческих свойств и потребностей плюс моральные убеждения или вся та же совокупность, но без морального довеска. Отсутствие моральной составляющей жизни исключает ее полноценный характер (причем слово «полноценность» применяется здесь исключительно в ориентированном на собственное благо агента смысле). Раз считает жизнь человека, который не включен в отношения дружбы и товарищества, настолько обедненной, что аморалист, выбравший такую жизнь ради сохранения свободы от моральных обязательств, «не создает никакого вызова для морали» (Raz, 2001: 283). А совместить свой аморализм с дружбой и товариществом он не в силах.

Почему же дружба и аморализм несовместимы? Аморалист по определению отрицает неинструментальную ценность других людей. Однако дружба немыслима без заботы о друзьях и действий, символически подчеркивающих особые отношения с ними. Такая забота и такое символическое воспроизведение близости не могут быть результатом простого ситуативного желания. О друзьях заботятся потому, что их ценят. Более того, забота о друзьях включает в себя стремление содействовать их целостному благу в качестве уникальных личностей. Она не может ограничиваться поддержанием их способности и готовности участвовать в тех видах совместной деятельности, которые приятны другу. Другими словами, ценность друга как раз неинструментальна. И аморалист никак не может обойти это обстоятельство. Он мог бы сказать, что он ценит своих друзей как личностей, но исключительно потому, что получает именно в отношениях с ними выгоды дружеского союза, и что он будет ценить их как личностей до тех пор, пока такие выгоды не иссякнут. Однако подобная позиция ведет к некоей ограниченной, крайне усеченной и условной форме дружбы. Аморалист мог бы утверждать, что он находится в этом случае в самом выгодном положении, ведь он является «ограни-

ченным другом» для тех людей, которые относятся к нему как к участнику полноценных дружеских отношений. Однако и стабильность, и, главное, подлинность таких отношений мгновенно попадают под вопрос из-за отсутствия взаимности (Raz, 2001: 288).

У аморалиста остается выход — акцентировать внимание не на выгодах дружбы, а на собственном выборе друга: «Я нахожусь в полноценных дружеских отношениях, но только с теми, кого я выбрал себе в друзья, а на других людей ничто из отношения к друзьям не распространяется». Но выбор друзей с необходимостью предполагает, что они достойны того, чтобы быть выделенными из числа всех остальных людей, т. е. ценны сами по себе и вне зависимости от этого выбора («ценность привязанности определяется ценностью ее объекта»). При этом было бы наивно полагать, что за пределами круга друзей аморалиста не существует людей, которые наделены теми же свойствами. А это значит, что, по крайней мере, какие-то другие люди должны иметь для него неинструментальную ценность (Raz, 2001: 293).

Раз не доводит свое рассуждение до этического равенства всех людей («универсальной морали»). Но его аргументация вполне может использоваться в таких целях и в действительности используется другими теоретиками. Скажем, Томас Скэнлон развивает более широкий проект обоснования морали, позволяющий квалифицировать его концепцию как конструктивистскую версию морального реализма. Он обсуждает «встроенную чувствительность» самых разных ценностей и благ к соблюдению моральных требований. При этом он уверен, что именно эта чувствительность позволяет провести процедуру выявления «моральных фактов» (Scanlon, 1998; Scanlon, 2014). Однако внутри этого проекта особое место занимает тезис о несовместимости морального скептицизма (аморализма) и дружеских отношений. Несовместимость, по мнению Скэнлона, связана с тем, что предполагаемый «друг» аморалиста оказывается «слишком зависим от случайного факта, что аморалист испытывает к нему добрые чувства» (Scanlon, 1998: 64). Получая информацию о том, что аморалист ведет себя в соответствии со своими глубинными установками, т. е. с легкостью причиняет другим людям вред ради собственной выгоды, «друг» аморалиста понимает, что сам он от такого обращения защищен лишь тем, что аморалист пока еще любит и ценит его. На фоне понимания этих угроз никаких близких и доверительных отношений, характерных для дружбы, просто не может существовать или они должны сопровождаться самообманом. Возвращаясь к рассуждению Раза, можно было бы предположить, что раз аморалист однажды признал неинструментальную ценность своего «друга», то ее признание защитит «друга» от инструментального отношения и после того, как аморалист перестанет испытывать к нему симпатию. Однако это рассуждение не работает: аморалист легко может посчитать, что он обманывался, и причислить бывшего «друга» к той части человечества, которая является исключительно средством. Если это так, то лишь универсальная мораль, а вернее, твердые моральные убеждения могут сделать дружеские отношения по-настоящему глубокими и устойчивыми. Скэнлон здесь скорее защищает мораль, чем переубеждает аморалиста, но предложенная им логика вполне применима и в первом ключе. Со строго теоретической позиции она не имеет существенных преимуществ (для того чтобы моральный скептик (аморалист) ее принял, он должен захотеть стать для кого-то настоящим другом, что необязательно), но в воспитательном контексте эта логика превращается в действенное средство влияния на типичного человека.

Другой, хотя и менее яркий, пример воспитательной актуализации теоретически неконкурентных концепций представляет собой рассуждение Дэвида Бринка. Он выстраивает его, опираясь на арсенал античной этики, и поэтому оно имеет эвдемонистические обертоны. Точкой отсчета оказывается мысль о том, что полноценную человеческую жизнь, наполненную широким рядом обогащающих ее благ и видов деятельности, можно прожить только на основе рассуждения о наилучшем образе жизни (т. е. превращая свою жизнь в «изученную»). Однако такое рассуждение невозможно вне коммуникативного контекста, вне общения с другими людьми. Именно общение с ними формирует у индивида более объемную картину мира, в котором он действует, и тех жизненных возможностей, которые этот мир ему предоставляет. Оно позволяет также лучше узнать самого себя, поскольку интроспекция всегда субъективна. Отсюда следует обязательная озабоченность эвдемонистического агента благополучием всех своих реальных и потенциальных собеседников (Бринк интерпретирует ее как следствие включенности других в саму личность деятеля) (Brink, 1997).

Конечно, посылки обоснования морали Бринком ограничены, поскольку есть проблемы с их силой и широтой: не каждый человек готов принять необходимость «изученной жизни» и признать роль других в этом «изучении», не каждый согласится с тем, что для решения этой задачи необходимо так много «зеркал», приобретающих неинструментальную ценность. Более того, это обоснование явно искажает содержание морали, ведь чем меньше вероятность того, что конкретный другой сыграет свою коммуникативную роль в уточнении и расширении жизненных перспектив морального скептика, тем меньшую значимость он должен для него иметь. Бринк считал это плюсом своей концепции, поскольку система наших моральных обязанностей имеет концентрический характер (там же: 152–153). Однако это лишь отчасти верно в отношении обязанности помощи и заботы и совсем неверно в отношении обязанности невреждения. И все же, несмотря на все эти слабости, тезис об обогащении жизни в ходе коммуникации с другими людьми вполне может быть использован при обсуждении необходимости уважать их достоинство с тем самым типичным человеком.

Второй эффект переноса аргументации обоснования морали в воспитательный контекст тоже легко проиллюстрировать. Смена борьбы и взаимного вытеснения концепций поиском принципа дополнительности аргументов ведет к тому, что аутсайдеры списка самых сильных концепций оказываются, условно говоря, реабилитированы. Это касается стратегического эгоизма, который восходит от потребности каждого человека в кооперации к зависимости кооперации от взаимного доверия и демонстрирует, что быть достойным доверия выгодно в большинстве жизненных случаев, а правдоподобно имитировать такого человека, иногда сбрасывая маску, практически невозможно. Теоретические недостатки концепции очевидны. Ключевой из них состоит в том, что, хотя выгода и моральный мотив не всегда противоположны, именно стремление к выгоде является серьезнейшим источником морального зла. Но если, обращаясь к доводам стратегического эгоизма, мы будем считать, что не устанавливаем единственный или даже основной источник императивной силы моральных требований, а всего лишь дополнительно подтверждаем необходимость их исполнения, то противостояние мотива получения выгоды и морального мотива уже не является трагическим обстоятельством. Другой недостаток стратегического эгоизма определяется тем, что на его основе нель-

зя обосновать честное и альтруистичное отношение к тем, кто не включен в кооперацию. Однако если мы понимаем, что перед нами не единственный источник моральной императивности и не единственная точка опоры обоснования морали, то это также не создает ограничений на использование аргумента от условий продуктивной кооперации, поскольку моральный статус этих людей или этих существ может опираться на что-то иное.

Для эвдемонистических концепций обоснования морали характерна проблема, связанная с тем, что им не хватает аргументационного ресурса для перехода от признания моральным скептиком объективной ценности его собственного счастья для него самого к признанию того, что счастье другого также должно обладать для него объективной ценностью. Препятствием является готовность скептика не выражать негодования в том случае, когда другие люди не учитывают его стремление к счастью. Давая другим карт-бланш на причинение вреда ему, моральный скептик получает карт-бланш на причинение вреда другим (Bloomfield, 2016). Теоретически это очень серьезное затруднение. Но насколько вероятно, что не воображаемый моральный скептик, а типичный реальный человек займет именно эту позицию и не будет негодовать, когда другие люди грубо пренебрегают его потребностями и интересами. Она невелика, и это возвращает актуальность эвдемонистическому обоснованию морали, хотя и исключительно в воспитательном порядке. Автономистам лучше других удастся преодолеть обсуждаемую трудность, но это не влияет на возможность использовать эвдемонистическую аргументацию в дискурсе морального воспитания.

Для наиболее продвинутых, т. е. конструктивистских, версий морального реализма, одна из которых нам уже известна по обсуждению позиции Скэнлона, свойственна попытка показать, что исполнение морального долга «встроено» в любую деятельность по реализации объективных неморальных ценностей (Scanlon 1998; Scanlon, 2014). Скэнлон довольно удачно отстаивает этот тезис в отношении тех видов деятельности, которые требуют кооперативных усилий, но его концепция сталкивается с затруднениями там, где имеет место возможность реализовывать эти ценности в одиночку. Тем самым аргументация теряет широту своего охвата. Но она все равно остается сильной аргументацией по нескольким причинам. Во-первых, потому что люди, как правило, стремятся участвовать в тех видах деятельности, которые реализуют объективные неморальные ценности именно на кооперативной основе. Во-вторых, хотя реализовать некоторые из таких ценностей (например, познавательные или эстетические) в принципе возможно и в одиночку, они по большей части реализуются сообществами и в сообществах, таков их нормальный или общераспространенный порядок реализации. Соответственно, типичные реальные люди стремятся их реализовывать именно в этом порядке. В-третьих, хотя полное безразличие к объективным неморальным ценностям возможно, оно является крайне редким, что делает абсолютное большинство людей чувствительным к аргументации Скэнлона (если, конечно, она не имеет внутренних провалов и противоречий).

И даже внутри автономизма, который наиболее строго соответствует теоретическим критериям оценки концепций обоснования морали, есть линии рассуждения, которые в теоретической оценочной рамке вызывают нарекания, а в воспитательной могут лишь приветствоваться. Например, столкнувшись с затруднением, которое похоже на затруднение эвдемонистических концепций, Корсгаард ввела

в свое обоснование морали дополнительную посылку, не связанную с автономией. Она предположила, что кантовская логика универсализации работает лишь на фоне того, что наше внимание всегда приковано к оценкам наших поступков со стороны других людей или хотя бы просто к их реакциям на наши действия. Корсгаард оттолкнулась от тезиса Людвиг Витгенштейна о невозможности приватного языка и констатировала изначальную проницаемость людей для претензий друг к другу. Зная, что другой человек зависит от наших действий, мы не можем просто не обращать внимание на эту зависимость, а можем лишь игнорировать ее, т. е. отклонять высказанную или молчаливую претензию другого на то, чтобы мы не ухудшали его положение, и объяснять это себе какими-то резонами (Korsgaard, 1996: 136–143). В теории такую чувствительность легко объявить не всеобщим свойством, легко сконструировать образ морального скептика, который лишен этой части нашей «общественной природы», но типичный человек, скорее всего, соответствует описанию Корсгаард. Поэтому, хотя концепция Алана Гевирта, не присоединяющая к автономистскому рассуждению никаких дополнительных посылок, выглядит более целостной и более перспективной в мире идеальных моделей, Корсгаард добавляет сильный аргумент в арсенал воспитательного дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в данной статье были представлены две задачи или две интенции философского обоснования морали, условно названные теоретической и воспитательной. Одна связана с построением такого рассуждения, которое преодолевало бы сомнение в значимости моральных ценностей и императивной силе моральных требований у любого разумного агента, обладающего минимумом свойств, которые позволяют называть его человеком. Задача похожа на преодоление гносеологического скептицизма и напоминает картезианское продвижение от методического сомнения к обретению уверенности. Другая — ориентирована на формирование или простое поддержание моральных убеждений у людей, обладающих широким набором типичных человеческих свойств. Она не является риторической, это поиск и оформление рациональных аргументов. Однако при этом присутствует понимание не альтернативности, а дополнительности таких аргументов и исчезает потребность выбраковывать аргумент, если кто-то из людей не мог бы принять посылки рассуждения (философу достаточно того, что многие могли бы их принять). Подход, возникающий в связи с решением второй задачи, выглядит безнадежно плюралистическим и даже неразборчивым в отношении оснований. Моральные ценности и требования приобретают вид «избыточно определенных». Но это не всегда плохо. В этой связи мне приходит на ум обсуждение некоторыми философами права моральных оснований института лишения свободы. Либералы видят его плюсы в том, что он строго соответствует диалектике свободы и ее ограничения, консерваторы в том, что он достаточно отчетливо, но не жестоко выражает экспрессивную функцию наказания и т. д. и т. п. Предлагать в этом случае выбор «или-или» было крайне непродуктивно, поскольку пересечение разных логик обоснования создает основу для общественного консенсуса по болезненному и метафизически неоднозначному вопросу. В рамках воспитательного подхода к обоснованию морали я вижу похожую ситуацию.

Воспитательный подход к обоснованию морали формирует один из инструментов реальной практики морального воспитания. Если, конечно, не отождествлять

эту практику с набором внерациональных воспитательных стратегий: проповедью, индоктринацией, натаскиванием, коллективным эмоциональным давлением и даже индивидуальным примером. Какие-то пункты этого перечисления являются изначально сомнительными в качестве средств формирования моральной личности, какие-то просто не имеют прямой связи с обсуждаемыми в этой статье вопросами. Но в действительности моральное воспитание представляет собой в том числе апелляцию к разуму. А философское обоснование морали раскрывает богатство точек опоры такой апелляции. Родитель, школьный учитель, университетский преподаватель, вольный сетевой просветитель могут черпать из этого источника доводы, обращенные к их аудитории. Мне больше знаком тот аспект воспитания через рациональное убеждение, который связан с преподаванием этики в университете. Воспитательный подход к проблеме обоснования морали в этом случае диктует порядок представления целого ряда центральных тем. Лишь со студентами, которые хотят посвятить себя разрешению метафизических затруднений, т. е. стать профессиональными философами, имеет смысл обсуждать обоснование морали как конкурентное теоретическое пространство. Если же этика преподается в качестве одной из общегуманитарных дисциплин, то естественным выбором преподавателя является поддержка «основанного на размышлении одобрения». Он может показать, что исторические истоки морали чисты или, по крайней мере, не слишком замутнены, что она имеет связь с разными потребностями и способностями человека и благами человеческой жизни и что лишь в экстремальных обстоятельствах «быть моральным» — это значит жертвовать своей жизнью или ее полнотой в ходе принципиального содействия благому другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Юм, Д. (1996) Трактат о человеческой природе // Соч. : в 2 т. / пер. с англ. С. И. Церетели и др. ; вступ. ст. А. Ф. Грязнова ; примеч. И. С. Нарского. Т. 1. М. : Мысль. 733 с. С. 53–656.
- Badhwar, N. K. (2014) *Well-being: Happiness in a Worthwhile Life*. N. Y. : Oxford University Press. 245 p.
- Bloomfield, P. (2014) *The Virtues of Happiness: A Theory of the Good Life*. N. Y. : Oxford University Press. 253 p.
- Bloomfield, P. (2016) *Morality is Necessary for Happiness* // *Philosophical Studies*. №6. P. 1–16.
- Brink, D. O. (1997) *Self-Love and Altruism* // *Social Philosophy and Policy*. Vol. 14. №1. P. 122–157.
- Gauthier, D. P. (1986) *Morals by Agreement*. Oxford : Clarendon Press. 384 p.
- Gewirth, A. (1978) *Reason and Morality*. Chicago : The University of Chicago Press, 1978. 393 p.
- Haidt, J. (2001) *The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment* // *Psychological Review*. Vol. 108. №4. P. 814–834.
- Hume, D. (1932) *The Letters of David Hume*. In 2 vols. Oxford : Clarendon Press. Vol. 1. 532 p.
- Kohlberg, L. (1981) *Essays on Moral Development. The Philosophy of Moral Development*. San-Francisco : Harper and Row. Vol. I. 441 p.
- Korsgaard, C. M. (1996) *Sources of Normativity*. Cambridge : Cambridge University Press. 287 p.
- Raz, J. (2001) *The Amoralist* // Raz, J. *Engaging Reason: On the Theory of Value and Action*. N. Y. : Oxford University Press. 336 p. P. 273–302

- Ross, W. D. (2002) *The Right and the Good*. N. Y. : Oxford University Press. 183 p.
 Scanlon, T. M. (1998) *What We Owe to Each Other*. Cambridge : Belknap Press. 420 p.
 Scanlon, T. M. (2014) *Being Realistic about Reasons*. Oxford : Oxford University Press. 132 p.

Дата поступления: 02.02.2022 г.

EDUCATIONAL IMPLICATIONS
 OF THE PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION OF MORALITY

A. V. PROKOFYEV

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY; TULA STATE LEV TOLSTOY PEDAGOGICAL UNIVERSITY

The paper analyzes two approaches to justification of morality (i.e., holding moral beliefs and committing morally required actions). The first approach represents justification of morality as a purely theoretical task. It rests upon the idealized model of the counterpart of a philosopher trying to defend moral values and moral obligations — the so called “moral skeptic”, or “immoralist”. He/she is consistent, susceptible to rational argumentation and has a minimal set of human features. All lines of argumentation are considered as alternative and contesting. The second approach to justification of morality involves a quest for the set of complementary arguments that could jointly contribute to formation and maintenance of moral beliefs of an average human being. This approach is called educational in the paper. Some arguments that look deficient and uncompetitive in the theoretical frameworks are in the great demand in the educational discourse. For example, the appeal to the link between the universal respect for every person and the capacity to sustain intimate particularistic relationships (friendship or romantic love) can play a significant educational role. The same holds true for arguments departing from our common longing for happiness and from the dependence of the individual preference satisfaction on being trustworthy. The author suggests that the problem of justification of morality should be presented in the university courses in ethics in the educational perspective (at least to non-philosophers).

Keywords: morality; ethics; justification of morality; moral skeptic (immoralist); moral education

REFERENCES

- Hume, D. (1996) *A Treatise of Human Nature*. In: Hume, D. *Collected Works*. In 2 vols. / transl. from English by S. I. Tsereteli et al.; intr. article by A. F. Griaznov; notes by I. S. Narskiy. Moscow, Mysl'. Vol. 1. 733 p. Pp. 53–656. (In Russ.).
- Badhwar, N. K. (2014) *Well-being: Happiness in a Worthwhile Life*. New York, Oxford University Press, 245 p.
- Bloomfield, P. (2014) *The Virtues of Happiness: A Theory of the Good Life*. New York, Oxford University Press, 253 p.
- Bloomfield, P. (2016) Morality is Necessary for Happiness. *Philosophical Studies*, no. 6, pp. 1–16.
- Brink, D. O. (1997) Self-Love and Altruism. *Social Philosophy and Policy*, vol. 14, no. 1, pp. 122–157.
- Gauthier, D. P. (1986) *Morals by Agreement*. Oxford: Clarendon Press, 384 p.
- Gewirth, A. (1978) *Reason and Morality*. Chicago, The University of Chicago Press, 393 p.
- Haidt, J. (2001) The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment. *Psychological Review*, vol. 108, no. 4, pp. 814–834.
- Hume, D. (1932) *The Letters of David Hume*. In 2 vols. Oxford, Clarendon Press. Vol. 1. 532 p.
- Kohlberg, L. (1981) *Essays on Moral Development. The Philosophy of Moral Development*. San-Francisco, Harper and Row. Vol. I. 441 p.
- Korsgaard, C. M. (1996) *Sources of Normativity*. Cambridge, Cambridge University Press. 287 p.

- Raz, J. (2001) *The Amoralist*. In: Raz, J. *Engaging Reason: On the Theory of Value and Action*. New York, Oxford University Press. 336 p. Pp. 273–302.
- Ross, W. D. (2002) *The Right and the Good*. New York, Oxford University Press. 183 p.
- Scanlon, T. M. (1998) *What We Owe to Each Other*. Cambridge, Belknap Press. 420 p.
- Scanlon, T. M. (2014) *Being Realistic about Reasons*. Oxford, Oxford University Press. 132 p.

Submission date: 02.02.2022.

Прокофьев Андрей Вячеславович — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора этики института философии РАН, профессор кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: (495) 697-93-78. Эл. адрес: avprok2006@mail.ru

Prokofyev Andrey Vyacheslavovich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Sector of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Philosophy and Culturology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: (495) 697-93-78. E-mail: avprok2006@mail.ru